84 3/7
экслибрис

12738
8

843/7

LLDM

ПАРЕ

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ФИЛОСОФІЮ СЛОВЕСНОСТИ.

Графа С. С. Уварова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1848.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ФИЛОСОФІЮ СЛОВЕСНОСТИ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ФИЛОСОФІЮ СЛОВЕСНОСТИ.

Графа С. С. Уварова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1848.

Гл. Научн. Б-ка
НК РСФСР
Инвент. № 327114
193 г.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ФИЛОСОФІЮ СЛОВЕСНОСТИ.

—

Литература, въ высшемъ значеніи этого слова и разсматриваемая въ самомъ обширномъ философскомъ отношеніи, представляетъ, какъ и всемірная исторія, только одну опредѣлительную эпоху,—эпоху полнаго преобразованія, ярко возвышающуюся надо всѣми низшими подраздѣленіями временъ; я разумѣю: Христіанство. Всѣ другія искусственно установленныя подраздѣленія могутъ служить къ облегченію памяти о минувшемъ; но лишь Христіанство, событіе высшее, всеобъемлющее и вполнѣ оконченное, провело глубокую черту разграниченія въ лѣтописяхъ умственной жизни между временами, ему предшествовавшими, и тѣми, которыя за нимъ слѣдовали.

И потому, собственно говоря, только двѣ литературы, какъ и два только разряда идей и двѣ цивилизаціи: — цивилизація

древняя до Христа и новая цивилизація послѣ Христа. Взирая съ этой высоты на вопросъ объ исторіи литературы, мы должны показать въ общемъ обзорѣ духовную жизнь человѣчества въ двухъ противуположныхъ ея проявленіяхъ: въ мірѣ древнемъ и мірѣ христіанскомъ. Дѣйствительно, между этими двумя мірами замѣтенъ моментъ колебанія, эпоха зарожденія и труда, сумракъ по обѣ стороны Христіанства, по видимому, равно принадлежащій и богамъ удаляющимся и Слову грядущему или уже пришедшему, — любопытное и съ трудомъ уловимое время, когда Платонъ, на зарѣ Христіанства, осіявался немногими ранними лучами, безъ сомнѣнія ему самому непонятными и темно отразившимися въ его сочиненіяхъ; а позднѣе, Церковь соединяетъ въ пѣснопѣніяхъ своихъ имена Пиѳагора и божественнаго Платона съ именами Апостоловъ; Юстинъ, въ *милоти* философовъ и съ ихъ поученіями на устахъ, идетъ на муки; Климентъ Александрійскій расточаетъ чудеса учености и остроумія, доказывая происхожденіе новой религіи отъ древней философіи и уравнивая раздѣляющую ихъ бездну. Здѣсь является и Сенека, знавшій Св. Павла или его ученіе, усвояемый Церковью въ свое лоно за его мнимое обращеніе; встрѣчаемъ въ особенности генія римской имперіи, который, именуясь то Маркомъ Авреліемъ, то Юліаномъ, властелинъ умирающаго міра, хочетъ остановить пришествіе невѣдомаго Бога изъ странъ безпредѣльности. Замѣчателенъ тотъ моментъ, когда два великія свѣтила ума враждебно скрестили лучи свои, чтобы предоставить навсегда солнцу Бога Живаго власть озарять новое общество, потрясенное въ своемъ основаніи и окончательно установленное на началахъ незыблемыхъ и неожиданныхъ. Разсмотримъ же вмѣстѣ съ порядкомъ древнихъ идей, порядокъ идей новыхъ, христіанскихъ, которымъ прогрессивная литература служитъ подлиннымъ и вѣрнымъ выраженіемъ, если смотрѣть на ея величественныя фазы.

Прежде всего, чтобъ слѣдовать методически, разсмотримъ состояніе нравственныхъ идей у древнихъ, и въ ихъ литературѣ отыщемъ предѣлы этого вопроса, изъ котораго проистекаютъ всѣ прочіе. Внимательное изученіе древности покажетъ намъ, что и тѣ немногія первообразныя идеи, въ кругу которыхъ вращается человѣчество, никогда не были для древнихъ ни вѣрованіями, ни убѣжденіями: невещественность мысли и ея безсмертіе, строгое различіе нравственнаго добра и зла, воздаяніе за нихъ, и даже самое существованіе Бога, никогда не являлись древнему міру въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы, христіане, призваны ихъ разсматривать. Ученіе философовъ не выхо-

дило изъ ограниченнаго круга матеріалистическихъ соображеній; ученіе религіозное не могло существовать тамъ, гдѣ Политеизмъ, то какъ странная борьба, то какъ чудовищное совокупленіе матеріи и духа, представлялъ безграничное поле вымысламъ воображенія, и не имѣлъ въ противоположность себѣ ничего иного, кромѣ Пантеизма; ученія, сколь неопредѣленнаго въ своихъ началахъ, столь же ограниченнаго въ приложеніяхъ, спиритуализма тѣснаго отъ растянутости, и котораго окончательный выводъ отличался отъ Политеизма только тѣмъ, что апотеоза матеріи совершалась въ немъ подъ другими условіями. Истинность божественнаго начала, въ которой мы убѣждены, никогда не существовала для древнихъ; чистый Монотеизмъ, единство Божества безъ аттрибутовъ времени, пространства и матеріи, не были и не могли быть ими постигнуты. Отъ того и безсмертіе души, эта гармоническая тема для поэтовъ и проблема для философовъ, не составляла догмата ни въ нравственности, ни въ литературѣ; поэтому нигдѣ не было проведено рубежа между добромъ и зломъ; нѣкоторыя изъ философскихъ сектъ отдѣльно блуждали въ изслѣдованіи этихъ великихъ вопросовъ; поздно и уже тогда, какъ древній міръ чувствовалъ приближеніе перерожденія, немногіе изъ риторовъ и философовъ греческихъ, также Цицеронъ, пытались привести въ порядокъ идеи спиритуализма, или, лучше сказать, пытались сами утвердиться въ этихъ отвлеченныхъ ученіяхъ, которыя тщетно старались привести къ какому-либо началу. Сочиненія Цицерона, разсматриваемыя со стороны философіи, не что иное, какъ наборъ пышныхъ общихъ мѣстъ, неудовлетворительныхъ для самаго посредственнаго ума въ наше время. Платонъ прозрѣлъ будущность нравственнаго и религіознаго міра, какъ будто во снѣ; но какимъ страннымъ символизмомъ облекла этотъ блуждающій лучъ аттическая пчела! Чтобы дать себѣ отчетъ въ возвышенныхъ вдохновеніяхъ Федона, должно прибѣгнуть къ предвидѣнію новаго закона. Ясно, что во всей почвѣ древняго міра не существовало ни одного древа съ подобными плодами. Сенека также прозрѣвалъ вдаль; но какого пятна не доставало его жизни? Впрочемъ Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека, являются лишь исключеніями изъ установленнаго порядка; ихъ слово не имѣетъ ни санкціи, ни авторитета; неизвѣстно откуда они и куда идутъ; у нихъ нѣтъ ни рѣшительнаго догмата, ни органическаго ученія; голосъ ихъ исчезаетъ среди ужасающихъ треволненій, которыя были нормальнымъ состояніемъ древняго міра; они ни на одно мгновеніе не остановили свой міръ въ въ его стремленіи; онъ едва преклонялъ надменный слухъ свой

къ ихъ краснорѣчивымъ возгласамъ. Никогда древніе философы не могли противустать народнымъ идеямъ, да и никто изъ нихъ и не осмѣливался на то; немногіе изъ этихъ великихъ умовъ довольствовались свободой, которую доставляло имъ всеобщее равнодушіе,—свободой, которая, покровительствуя имъ, мертвила ихъ вліяніе. Одинъ изъ лучшихъ гражданъ аѳинскихъ, Аристофанъ, жертвуетъ Сократомъ общественному посмѣянію, и думаетъ, что совершаетъ подвигъ добросовѣстный и смѣлый, когда говоритъ: «Къ чему служатъ эти мечтатели? они разнѣживаютъ вѣкъ слабѣющій, они уничтожаютъ благоговѣніе къ богамъ, они поучаютъ непостижимымъ нелѣпостямъ; цикуту имъ!... Граждане Мараѳона были лучше.»

Если возразятъ мнѣ, что я сказалъ гдѣ-то, что обломки первобытныхъ истинъ должно отыскивать въ глубинѣ тайныхъ ученій Востока и въ мракѣ великихъ Элевзинскихъ Таинствъ, то я отвѣчу, что разсматриваю здѣсь только состояніе общества внѣшняго; изъ того, что эти ученія не имѣли на него дѣйствія, ясно, что оно ихъ не знало; массы двигались подъ вліяніемъ другихъ идей. Что̀ значило малое число адептовъ, когда общность древняго міра оставалась чуждою этимъ сокровеннымъ ученіямъ, которыя никогда не переступали за прагъ храма и которыхъ существованіе признается лишь только по наведенію? То же самое можно сказать и объ ученіи *народа избраннаго;* оно никогда не выходило изъ тѣсныхъ предѣловъ еврейской теократіи.

Явно, что древній міръ былъ матеріалистъ; излишне бы было приводить этому доказательства; они представляются всюду. Слѣдовательно, обожаніе дѣйствительности въ настоящемъ, ничтожество въ будущемъ, скептицизмъ для однихъ, суевѣріе для другихъ, наслажденіе для мудрыхъ, власть для сильныхъ, рабство для остальной части народа, ни какого предназначенія для человѣка за гробомъ, женщина—орудіе наслажденія или воспроизводительности, мечъ — повелитель закона, личная прихоть — замѣнъ нравственности; неслыханное обиліе ужасающихъ пороковъ и высокихъ дарованій; рядомъ съ изумительною доблестью гнусный развратъ, о которомъ мы едва можемъ составить себѣ слабое понятіе; наконецъ ужасающее, какъ-бы роковое невѣдѣніе самыхъ святыхъ истинъ: таковъ былъ нравственный хаосъ общества, столь плотнаго, столь прекраснаго и улыбающагося извнѣ, столь мощно устроеннаго внутри, что лишь одна десница Божія могла его разрушить. Посмотримъ, какимъ образомъ этотъ хаосъ преобразовывался въ гражданственность и

откуда проистекала эта высокая образованность, совершеннѣйшее явленіе въ исторіи, самое величественное развитіе духа человѣческаго на данномъ поприщѣ.

Вознаградить такое общество за совершенное отсутствіе самыхъ необходимыхъ его законовъ и заставить забыть, при видѣ древняго міра, нравственную бездну, въ которую онъ безпрестанно погружался, можетъ одно только зрѣлище его цивилизаціи и исторія его литературы. Никогда столько мощныхъ дарованій не дано было въ удѣлъ такому огромному числу людей; никогда геній подъ формами самыми разнообразными не представлялся въ одно время на пользу общества, тщетно искавшаго точки исхода и конечной цѣли; съ упорствомъ шли эти люди противъ невозможнаго; невозможное же было условіемъ, подъ которымъ они призваны были жить. Потребно большое напряженіе духа, умовъ самыхъ сильныхъ, чтобы дать себѣ отчетъ въ такомъ положеніи дѣлъ, совершенно противуположномъ обществу христіанскому. Изъ этого древняго порядка видно, что матеріализмъ, который былъ въ одно и то же время и родовымъ его характеромъ и глубочайшею язвою, сосредочивалъ въ себѣ самомъ всѣ пружины свободной и повелительной мысли; общество, безъ прошедшаго и будущаго, долженствовало по необходимости возвести *дѣйствительность* на степень ужасающаго могущества; оно было предано этому обожанію внѣшнихъ формъ, такъ пламенно воспроизведенныхъ въ твореніяхъ его поэтовъ и созданіяхъ художниковъ; поэтому-то творчество и было исключительною принадлежностью древнихъ. Какъ иначе объяснить себѣ это обиліе, эту непрерывность творческихъ созданій во всѣхъ родахъ, если не допустить, что жажда безконечнаго, неотъемлемая принадлежность души человѣческой, влекла ее могущественно къ воспроизведенію пластическихъ формъ, доведенныхъ до самой высшей степени совершенства? Общество, какъ и каждый человѣкъ, по превосходному изреченію Евангелія, не можетъ жить однимъ насущнымъ хлѣбомъ; но для древняго общества всѣ источники, изъ которыхъ черпаетъ христіанская мысль, были сокрыты. Что̀ оставалось этому грустному и блистательному міру, кромѣ безпредѣльнаго поля искусства, въ которомъ онъ обрѣталъ по крайней мѣрѣ хотя слабые отломки нравственнаго, болѣе возвышеннаго порядка, темныя предчувствія о лучшемъ предназначеніи?

Боссюэтъ превосходно выразился, сказавъ, что для язычниковъ все было богомъ, кромѣ самого Бога: и дѣйствительно, они боготворили всѣ скоропреходящія формы, бывъ осуждены нико-

гда не достигнуть единственной, негибнущей формы, которой полное постиженіе для нихъ было недоступно. Тогда энергическая воля ума человѣческаго не дробилась, какъ у насъ, на множество мыслей не только различныхъ, но противуположныхъ и противорѣчащихъ; древніе далеки были отъ этой борьбы взаимно-враждебныхъ наклонностей, какія каждый изъ насъ носитъ въ глубинѣ самого себя; они, подобно намъ, не имѣли предъ глазами незыблемаго правила, явственнаго разграниченія добра и зла; они не могли знать и не знали того отвращенія отъ житейскихъ суетъ, котораго не избѣгаютъ самые сильные изъ насъ: напротивъ, эти самыя суеты и составляли ихъ единственное обладаніе, и этимъ-то однимъ побужденіемъ, возведеннымъ до идеала, обозначили свое земное поприще Гомеръ и Александръ; кромѣ искусства и власти ничто не существовало въ нормальномъ положеніи. Матеріализмъ, абсолютный богъ древняго общества, былъ истиннымъ источникомъ вдохновенія въ искусствахъ и въ силѣ политической; онъ равно благопріятствовалъ и художнику и завоевателю; оба упивались существенностію; обоимъ восклицали со всѣхъ сторонъ: post mortem nihil; и эти мощные люди шли къ своему предназначенію, не затрудняясь въ средствахъ и даже, можетъ быть, безъ угрызеній совѣсти; если же они испытывали ихъ, то испытывали лишь по врожденному въ человѣкѣ чувству, слабому отблеску встревоженной совѣсти, а не по строгой оцѣнкѣ дѣйствій своей безотвѣтственной жизни. Только въ обществѣ, такимъ образомъ устроенномъ, и могла осуществиться химерическая фантазія *искусства для искусства*; такое общество потому-то и ушло такъ далеко впередъ во всемъ, что̀ только относится къ твореніямъ восторженнаго ума, въ искусствахъ, различныхъ символахъ одного и того же идеала, въ колоссальномъ величіи индивидуальнаго честолюбія. Не достаточно представлять себѣ эту чудную способность лишь въ самомъ обширномъ ея значеніи; несчетныя произведенія греческаго ваянія не болѣе удивительны для опытныхъ глазъ знатока, какъ и утонченная, изящная отдѣлка самой грубой, простой, домашней утвари.

Отъ эпопеи, вмѣщавшей въ себѣ міръ, до двухстишія, заключавшаго лишь мимолетное впечатлѣніе, вся поэзія древнихъ запечатлѣна одинаковымъ совершенствомъ. Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ принимали участіе въ удовольствіяхъ повелителя міра, и царственный хозяинъ старался угодить своимъ гостямъ. Когда длинный слогъ измѣнялся на краткій въ устахъ актера, эти пятьдесятъ тысячъ гостей вставали съ мѣстъ, и, подобно волнамъ моря, рокотали цезуру. Съ какой бы стороны ни раз-

сматривали мы искусство древнихъ, увидимъ, что оно было у нихъ существенно демократическое; никогда не было оно благороднымъ отдохновеніемъ нѣсколькихъ избранныхъ, но всегда составляло пищу и высшую потребность безчисленнаго большинства; искусство новѣйшее, вполнѣ аристократическое, съ языкомъ незнакомымъ толпѣ, съ метафизическими своими теоріями, съ кабинетною отдѣлкою и рукоплесканіями гостиныхъ— это искусство не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ великаномъ, съ этимъ, говоря словами Паскаля, «единствомъ и множествомъ вмѣстѣ,» — который лежалъ, какъ неаполитанскій лазарони, на солнцѣ, окруженный безчисленною толпою, прикованною къ его слову и требовавшею, чтобы, подобно Нилу и Эридану, онъ изливалъ на нее полною волною чарующій напитокъ, замѣнявшій народу все, даже Бога. Таинственна связь, въ которой поэтъ былъ вмѣстѣ законодатель, историкъ, и моралистъ и жрецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ часто бывалъ однимъ изъ тѣхъ избранныхъ, которые чувствовали себя одинокими и бѣдными предъ лицемъ этой толпы, распростертой у ихъ ногъ; еще болѣе, чѣмъ его слушатели, этотъ гіерофантъ мысли силился разгадать таинственную догадку, ускользавшую отъ его взоровъ, приподнять край завѣсы, хотя бы, какъ въ Саисѣ, цѣною жизни или разсудка. Многіе изъ древнихъ поэтовъ носятъ на себѣ печать неизъяснимой грусти (и сокровенное ученіе таинствъ объясняетъ это); былъ не одинъ примѣръ удивительныхъ усилій, чтобы уловить лучезарную точку въ окружавшемъ ихъ мракѣ, какую-нибудь надежду въ будущности безъ исхода. Въ особенности Эсхилъ, старый воинъ Мараѳонскій, поразительно изображаетъ это возстаніе противъ незримаго, мощный, но безплодный порывъ къ безконечному. Посмотрите, какъ прозрѣваютъ греческіе трагики, когда они влагаютъ въ уста своихъ хоровъ слова возмездія за преступленіе; но замѣтьте также, сколько удивительнымъ словамъ этимъ недостаетъ всюду небеснаго освященія. Въ великой трилогіи Прометея, которой мы имѣемъ только часть, въ каждомъ стихѣ открываешь болѣзненный страхъ, которымъ объята душа поэта; символическому генію рода человѣческаго, прикованному къ Кавказу за то, что онъ во зло употребилъ силы свои и не позналъ своихъ правъ, Эсхилъ обѣщаетъ *избавителя*; но это обѣщаніе темно, какъ сонъ, неопредѣленно, какъ мечта. Самые сильные умы древности никогда не могли освободиться отъ условій ихъ роковой эпохи; они никогда не выходили изъ круга, въ которомъ были заключены, круга тѣснаго для нравственности, неизмѣримаго для мысли. Если нѣсколько избранныхъ могли хотя нѣ-

сколько расширить предѣлы своихъ понятій о предметахъ божественныхъ, если другіе въ житейскомъ быту, до самой смерти своей выказывали героическія добродѣтели, то тѣмъ выше заслуга ихъ, чѣмъ безкорыстнѣе была борьба. Въ этомъ отношеніи, жизнеописанія Плутарховы представляютъ мартирологію благородныхъ умовъ, борющихся съ невозможнымъ и цѣною усилій и жестокихъ страданій укрѣпляющихъ колеблющіяся основанія совѣсти, предоставленной собственному прозрѣнію; этихъ плавателей безъ компаса и путеводной звѣзды на морѣ, грозномъ скалами, отважный периплъ приводилъ всего чаще къ мучительной смерти, самоубійству или богохульству; Катонъ, Трасеасъ, Брутъ, окончили поприще въ сомнѣніяхъ о божественномъ Провидѣніи; иногда общество губило такихъ людей, какъ погубило Сократа, за возмущеніе его спокойствія. Они могли быть лишь жертвами среди порядка дѣлъ, существенно непріязненнаго призванію, на которое они были помазаны и котораго конечное слово имъ было невѣдомо.

Картина древности, начертанная по такому плану, представляла бы литературныя ея богатства и вмѣстѣ нравственныя силы; это было бы, смѣю думать, твореніемъ почти совершенно новымъ; но это твореніе будетъ не полно, если къ картинѣ древнаго міра не присоединить, на тѣхъ же основаніяхъ, картины міра новаго: эти два міра связаны между собою чудесною и поразительною эпохою перехода, которую можно назвать эпохою платоническою, не по имени самого Платона, никогда не проникавшаго такъ далеко, но по эклектизму Александрійской Школы, принявшей названіе этого философа и опередившей его ученіе. То была послѣдняя борьба міра древняго съ міромъ новымъ, спиритуалистическаго Политеизма съ хоругвіею Христа, человѣческой гордости съ божественнымъ смиреніемъ, наконецъ отсутствія всякой положительной нравственности съ новымъ уложеніемъ, которое, начиная съ перваго своего слова, разрушило прежній порядокъ.

Когда великое движеніе въ человѣчествѣ вполнѣ совершилось, когда Христіанство проникло въ нравы, совѣсти и умы, законодательство, какъ и произведенія ума человѣческаго, представляютъ наблюдателю огромную и новую картину; съ этой минуты разрывъ съ міромъ древнимъ рѣшенъ окончательно; умъ человѣческій прокладываетъ себѣ дотолѣ невѣдомые пути; искусства измѣняютъ цѣль и характеръ; никто уже не становится язычникомъ добровольно. Напрасно Петрарка преклоняетъ колѣна предъ рукописью Гомера, Виссаріонъ и Лаврентій Медицисы напрасно толкуютъ о богахъ безсмертныхъ; напрасно

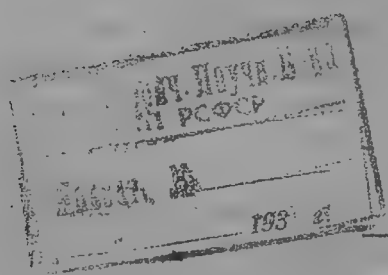
Франція приноситъ козлище въ жертву генію трагедіи: Гомеръ останется навсегда лишь обширнымъ тезисомъ для литературной критики; безсмертные боги не низойдутъ на помощь своимъ искусственнымъ поклонникамъ, и новая трагедія будетъ христіанскою вопреки именамъ, заимствуемымъ ею у древнихъ, и котурну, который она надѣваетъ.

Съ другой стороны, воля человѣческая можетъ отклоняться отъ истинъ нравственныхъ и религіозныхъ, но ей не дозволено не знать этихъ истинъ. Отселѣ измѣняется весь порядокъ вещей; народы, пораженные свѣтомъ новаго Слова; народы, которые поняли вдругъ, что они были въ прошедшемъ участниками въ общей винѣ и должны быть отвѣтчиками за настоящее въ будущемъ; народы, которымъ внушаютъ, что существованіе человѣческое не что иное, какъ только несовершенная часть жизни синтетической, — народы повергнутся въ прахъ, и съ слезами на глазахъ, съ трепетомъ, будутъ ожидать близкаго свершенія грозныхъ обѣтовъ.

Древняя философія не сойдетъ еще долго съ поприща; но христіанскій спиритуализмъ разовьется въ свою очередь въ полную систему, и отцы церкви положатъ основу наукѣ, изъ которой истекли всѣ новыя философіи, — наукѣ непонятой, часто оскорбляемой, и которая между тѣмъ представляетъ самое обширное примѣненіе ума человѣческаго къ разрѣшенію приводящихъ въ трепетъ вопросовъ. При свѣточѣ христіанскаго Откровенія, она будетъ шествовать неизмѣнная и въ тоже время всегда разнообразная; она не перестанетъ, подъ тысячами различныхъ формъ, стремиться къ единству, которое отразится во всѣхъ ея произведеніяхъ; литература новѣйшихъ народовъ, смотря по времени и по странѣ ея рожденія, пройдетъ длинный рядъ видоизмѣненій: она будетъ италіянскою, испанскою, французскою, германскою, славянскою, но прежде всего она будетъ христіанскою, станетъ носить отпечатокъ того нравственнаго порядка, который отовсюду проникъ въ организмъ человѣка и современнаго общества. Литература, если вздумаетъ свергнуть съ себя это иго, свыше на нее наложенное, погубитъ себя собственными руками; насмѣшливое невѣріе Вольтера и страстное невѣріе Байрона и Жоржъ-Санда не отклонятъ ея отъ вліянія идей, безъ которыхъ общество въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ существовать ни минуты. Самый скептицизмъ XIX вѣка не ожесточается ли безстыднымъ цинизмомъ въ современныхъ писателяхъ?

Умственная картина новаго міра, требовала бы въ начертанномъ мною планѣ не менѣе добросовѣстнаго изученія, чѣмъ

картина міра древняго. Необходимо прослѣдить духъ христіанской цивилизаціи на всѣхъ поприщахъ его развитія; отъ великой мысли о католическомъ единствѣ до перваго симптома возстанія противъ этого обширнаго начала, отъ первыхъ проблесковъ свободы изслѣдованія до самыхъ смѣлыхъ ея доктринъ въ политикѣ и литературѣ, отъ первыхъ проявленій духа предпріимчивости, торговой и промышленной, до окончательнаго устроенія новой соціальной системы на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, бо́льшею частію,—все должно входить въ полную исторію ума человѣческаго, все должно показать со всею очевидностью совершенную несовмѣстность временъ, предшествовавшихъ Христіанству и за нимъ послѣдовавшихъ. Тогда только будемъ мы имѣть синтетическую картину всеобщей литературы, объясненіе ея доктринъ и перечень произведеній, соотвѣтствующій обширности вопроса и важности предмета, разсматриваемаго съ подобающей ему высоты.



Получено отъ предсѣдателя

В. С. Савельева, марта 19го 1906 года.

Это экземпляръ изъ архива Лаптинка, съ замѣчаніями при Совѣщаніи, допущенными въ запрещаемо цензурою.